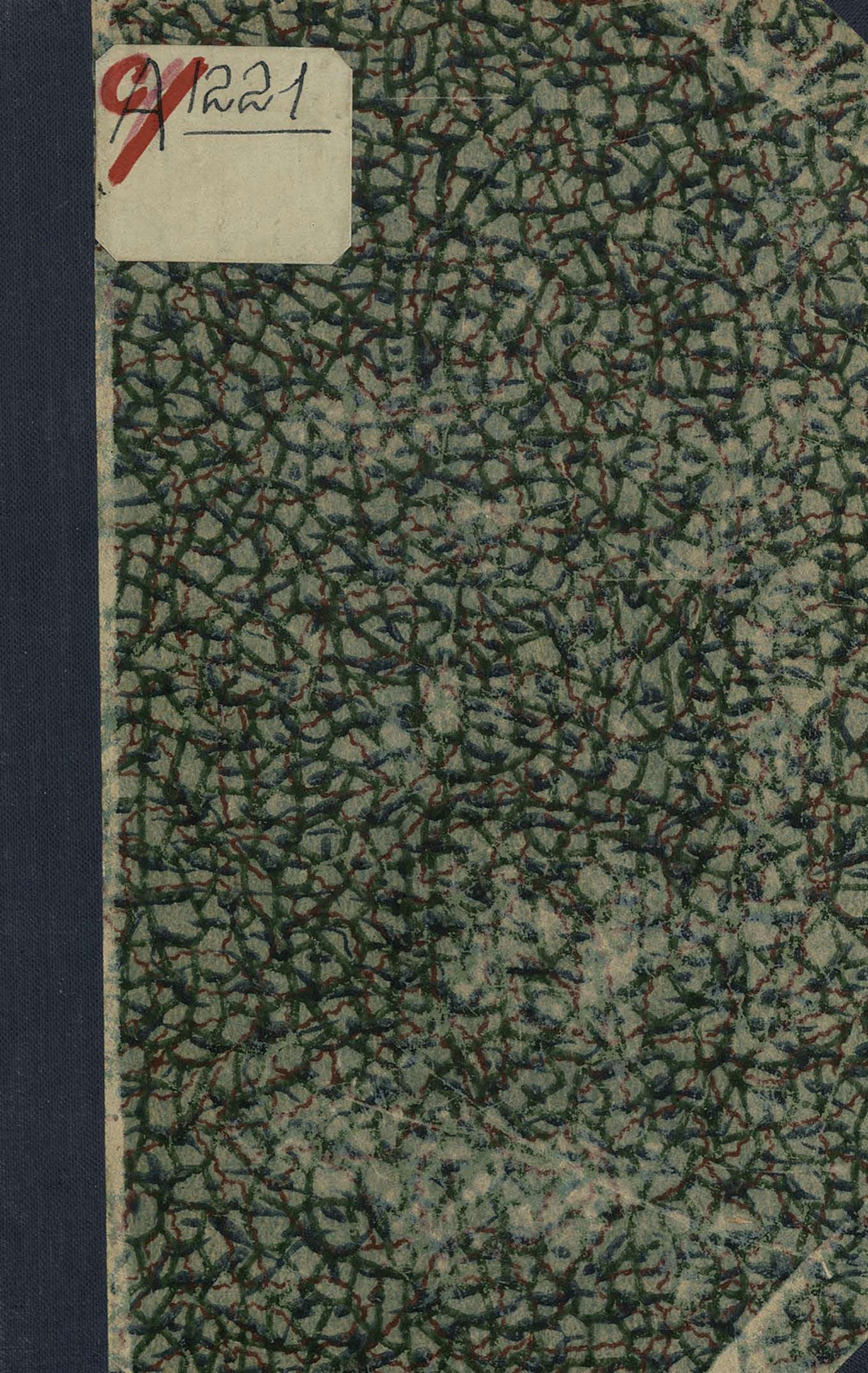

A 1221

Н. П. ДАУРЕЦ.

Семеновские застенки.

(Записки очевидца).

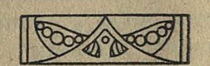

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЯК".
Харбин, 1921 год.

Н. П. ДАУРЕЦ.

Семеновские застенки.

(Записки очевидца).

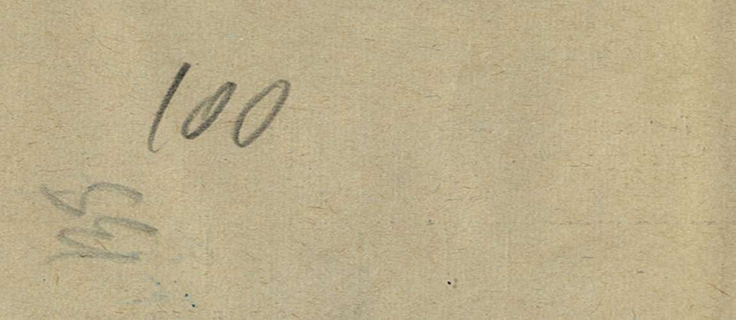

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЯК“.
Харбин, 1921 год.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1957 г.
6							833/169	

627/16—250 тыс.

100

От издательства.

Предлагаемая читателям книжка имеет ту особую ценность, что автор ее не человек партий, а простой офицер. Но бурные годы войны и революции бросили его, как тысячи других русских граждан, в гущу трагических событий, разыгрывавшихся во всех уголках русской земли.

И он стал невольным участником событий в Забайкалье, которые составят одну из самых кровавых и отвратительных страниц истории наших дней и которые связаны с именем Семенова.

Игрою случая простой казачий офицер, ни по происхождению, ни по воспитанию совершенно не подготовленный к какой-либо административной деятельности выше какого-нибудь захолустного полицейского пристава, был вознесен на положение командующего войсками и правителя одной из больших областей. Он сделался орудием влияния иностранной державы и оспаривал права образовывавшихся органов верховной власти как во всероссийском, так и областном масштабе.

Невежественный в юридических и административных делах, он все органы управления низвел до уровня канцелярий казачьей сотни и полицейского участка, и возвысил роль гауптвахты—„губы“—и каталажки с ее мордобоем и нагайкой до значения органов верховного управления. Отсутствие же морального авторитета влекло отсутствие элементарного порядка и дисциплины, несмотря на беспрерывные порки, расстрелы, истязания. В этом аду ужасов казни и самосуды были повседневным способом сведения личных счетов, захвата денег и имущества, удовлетворения грубых инстинктов, делания карьеры.

Насиловались женщины и девушки и „уничтожались“ для сокрытия следов; бывший приятель расстреливался из-за оскорбления, нанесенного в пьяном состоянии; применялись пытки—и опять следы скрывались убийством и сжиганием трупов.

Никто здесь не уважал другого, и никому не было доверия. Охранки и контр-разведки громоздились одна на другую, и чины одной „выводили в расход“ чинов соседки.

Вся эта „семеновщина“ имеет до сих пор не один исторический интерес. Она—еще широкое бытовое явление на русской земле. Так называемое „Гродеково“, получившее значение определенного термина, говорит об усиленных попытках оживить то, что было сметено усилием народных масс. Мало этого, „семеновщина“ имеет, хотя и не безкорыстных, но прикрывающихся политическими лозунгами идеологов в лице, например, группы газеты „Свет“.

Поэтому публикуемые очерки имеют значение „человеческого документа“. Автор совсем не профессиональный литератор. Он пишет так, как будто рассказывает: просто, хотя и волнуясь. Самое это волнение является фактом, тесно вплетенным в канву рассказываемых событий и инцидентов.

Иногда нервная и неподчиненная литературным правилам речь не совсем ясна при первом чтении. Но когда в процессе чтения осваиваетесь с манерой автора, неясности исчезают.

Книжка читается с неослабным вниманием.

Поэтому издатели лишь там, где были явные описки, затемнявшие смысл, сделали кое-какие исправления, оставив неприкосновенным изложение.

Это об‘яснение издатели считают необходимым. Нужно представлять устную речь очевидца, волнующегося, вспоминающего пропущенное и подавляемого массой воспоминаний, из которых невсегда сразу можно выбрать наиболее характерное и броское. Это яркая книжка. Надо думать, что она не будет единственной.

ОТ АВТОРА.

Приступая к описанию деятельности и поступков некоторых лиц, являющихся ближайшими помощниками атамана Семенова, прежде всего должен сказать, что все написанное здесь— чистая правда, и все, что писалось до сих пор в газетах, журналах, брошюрах как большевиками, так и лицами других партий и лицами, не принадлежащими ни к какой партии, но которые случайно что-нибудь видели или слышали краем уха,—было близко к правде, или же представляло просто вымысел, или, вернее, было неправильным представлением после пережитого. Теперь, когда все кончилось, можно спокойно обсуждать и описывать прошедшее и даже до некоторой степени отнестись к тем или иным лицам беспристрастно.

Что это правда, сказать, конечно, мало, но мне кажется, что если кто вздумает проверить, он всегда удостоверится в этом, ибо чины и фамилии лиц мною будут написаны полностью, и многим в Харбине они известны. В тех случаях, когда это можно, будут поставлены свидетели, правда, из тех же, которые были до некоторой степени их помощниками, но мне кажется, что чем

более замешано в каком-нибудь деле людей, тем труднее сохранить тайну. По возможности будут сохранены даты различных дел, хотя очень трудно вспомнить, так как времени прошло уже порядочно.

Теперь разберемся, что заставило меня написать. Ведь, если разобраться, то сделанного не поправишь, убитых не вернешь. Да, пожалуй, и можно было бы махнуть на все рукой, но... Вот это-то и мешает. Прежде всего наталкивает голод, на который атаман Семенов и его помощники бросили не одну тысячу людей после того, как они призывали итти на большевиков за правопорядок, законность, Учредительное Собрание и проч. И что же оказалось? Много из них убито, еще больше искалечено, некоторые остались без крова, без куска хлеба, брошенные на произвол судьбы. А деньги, русское золото, остались почему-то у Семенова и его помощников, и они великолепно живут—часть в Харбине, а часть в еще более теплых местах. А эти выброшенные, ведь, имеют более права на это русское добро, которое они добывали и защищали своею грудью, да еще давали возможность жить и жить хорошо тем людям, которые медного гроша не стоят.

Нередко можно встретить где-нибудъ в „Палермо" или в каком-нибудь собрании одного из бывших „сильных мира", который спокойно выбрасывает официанту 30—40 иен и никогда не даст своему бывшему солдату или офицеру одну иену на обед. Какие низкие душонки! Где же справедливость?! Неужели преступления останутся без наказания?! Хотя нужно сознаться, что в жизни оно почти всегда так и бывает, что нака-

зание несут невинные, а мерзавцы великолепно живут за счет других. И что еще обидно, так это то, что и в будущем предполагается такая же афера, и не одна еще душа, видимо, найдет себе успокоение на сопках Забайкалья. Гибнут, главным образом, люди не виновные. Я уже не говорю о тех, которые выступают с оружием в руках против Семенова, нет, то—другое дело. И я, как сам антибольшевик, смотрю на это дело по другому: на то и гражданская война. Но свои за что же гибнут, свои от своих же?!

Может-быть, мой труд многих заставит образумиться и призадуматься, так как в будущем, видимо, будут действовать те же лица, и в газетах об этом уже сообщалось; те же лица—те же действия.

„Каппелевцев Семенов купил за полтора миллиона“,—говорят газеты. Но будущее покажет...

Мне кажется, что ни один из главарей, в конце-концов, не кончит благополучно.

Ибо, если вы проследите жизнь любого из разбойников или людей, которые быстро поднимались на высоту общественной лестницы, то заметите, что такие люди погибали от руки своих же или были наказаны правительством, которое выбирал народ.

Н. Д.

15 марта 1920 г.
Г. Харбин.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Тирбах и его сотрудники.

О начале, развитии и вообще существовании в начале отряда, который потом был назван маньчжурским атамана Семенова отрядом, много писалось в местных, читинских, владивостокских и других газетах. Много писал г. Панов, который был с отрядом и очень много провел времени в 2 батареях „Г. И. Арисака". Да это особенно нас и не занимает. Важно только то, что первоначально офицеры, главным образом, волжане и из сердца России попадали не по своей воле. Народ все был храбрый, отчаянный, смелый, коренной военный,—все, что хотите, и поэтому я и очень многие считают маньчжурцев по боевому качеству, безусловно, выше каппелевцев, о которых старались так много кричать.

Да оно так и должно быть. Не приходится, конечно, говорить о маньчжурской дивизии, в которую влилась уже большая половина каппелевцев, потом мобилизованных и пр.

В отряд офицеры и солдаты попадали таким образом:

Когда большевики устроили переворот, и власть в России попала к ним в руки, все недо-

вольные или несогласные с большевиками, главным образом, офицерство и некоторые солдаты, потекли на Восток, с тем, чтобы пробраться во Францию и продолжать воевать против немцев.

Если вы постараетесь вспомнить, то в то время ходили слухи, что американцы усиленно, а также и французы, приглашали к себе на службу; говорили даже такие цифры оклада жалованья, как 750 франков или 250—300 долларов, что так же привлекало многих, главным образом, солдат, и вот некоторые поехали.

В это же время на ст. Маньчжурия есаул Семенов, под'есаул Тирбах, прапорщик Сакович и другие поднимают восстание против большевиков. По рассказам маньчжурской газеты, так это даже сделано было под „пьяную лавочку". Собственно, восстания не было, а просто захватили в поселке Маньчжурия все оставшееся после высылки русских частей, так как те военные, которые еще находились в Маньчжурии, почувствовав „слабоду", просто-напросто занялись пьянством. Труда это, конечно, не составило. Так, например, Тирбах и еще два-три офицера разоружают железнодорожную роту и забирают массу винтовок, кажется, два пулемета и ротное хозяйство. Было просто маленькое мужество, отчаянность.

Сразу же было взято в руки здание вокзала.

Тут и началось. Стаскивали с поездов, приходящих из Читы, офицеров, солдат и просто вольнопроезжающих. Военных узнавали по кантам на брюках, военным шинелям, фуражкам и

другим прочим мелким вещам или по виду, так как многие, вырвавшись из Советской России, облегченно вздыхали, а его сейчас:

— Куда? Зачем? Почему?

— Да я бы, собственно... да я ничего,— отговаривался обыкновенно уже успевший хлебнуть офицер или солдат.

— К нам в отряд!

— Это, что же, можно, только бы...

— Деньги? водка?—все будет!

— Слушаюсь!..

И так очень многих. А кто не соглашался, просто-напросто пороли тут же на станции в дежурной коменданта или, если протест был особенно силен, отправляли „на сопку".

Но подчас у атамана (как он был тут же окрещен) не было денег,—тогда: „Ребята, доставайте сами себе деньги!", и доставали, т.-е. шло в продажу то, что успели выдать из обмундирования, а то и просто оружие, а некоторые дошлые люди охотились за „ходями", которых душили и днем и ночью. За „ходю" наказания не полагалось, а вот за продажу оружия Тирбах душил своими руками как офицера, так и солдата, и он пошел в гору.

В те времена он сам пил очень много, но сразу получил место начальника личной охраны атамана и наблюдал за поведением военнослужащих. Вообще был—все.

Весной, когда снежок стал таять, то трупы

задушенных Тирбахом людей показались на свет Божий, о чем и было доложено кем-то Тирбаху. Перепуганный, ночью идет он сам, взяв с собою прапорщика Алешина и Смычникова закапывать трупы.

И так пошел он в гору. Вот он уже войсковой старшина, начальник особого маньчжурского атамана Семенова отряда. Застаем мы его сначала в Чите, когда отряд прибыл в Читу, а потом в Маккавеево.

В Чите все расправы над „большевиками“ (а хватали кого хотели) производились в домах Бадмаева, что на Софийской улице. И сейчас вы можете рыть на дворе и найдете кости зарытых. Там приблизительно было зарыто 150—200 трупов.

Особенно отличался штабс-капитан Попов, Юрий Владимирович, командир второй батареи, бывш. „Арисаки“, расстрелянный Семеновым же в 1920 году по настоянию Тирбаха, вместе с капитаном Скрябиным, но об этом после.

Как все жестокие люди, Попов был, несомненно, трус, и все операции над осужденными производили, по его приказам, офицеры батареи, всегда одни и те же, а именно: прапорщик Мосолов, Алешин (прапорщик же) и в том числе Лавренов.

Должен отметить, что мною лица упоминаются в тех чинах, в каких их застает описываемое дело. Теперь они все, конечно, капитаны и полковники, хотя особенных дел не делали, и отличий за ними не отмечалось.

Особенно интересен факт расстрела баронессы и ея мужа—остзейского барона. Он чуть ли

не из военнопленных, но она—русская гражданка.

Все вещи, драгоценности баронессы взял себе капитан Попов, а расстрелять приказано, или удушить, Алешину и Мосолову (муж расстрелян отдельно). Обвинялись они в большевизме, но следствия и суда не было, а потому трудно сказать, в чем они обвинялись: просто было приказано—и баста! Нужно сказать, что баронесса была очень красива, и когда Алешин (а он был один, так как Мосолов караулил на улице) сказал ей, чтобы она разделась и вооще приготовилась, то она стала просить:

— Только, знаете, сразу, голубчик!—и с такой милой улыбкой, что Алешин не мог, и ушел, так как боялся за себя, что не выдержит, чтобы не взять ее тела.

Он вышел на улицу.

— Слушай, Масалыч, иди ты. Я не могу.

— Почему? Что с тобой? Вот дурак!

— Нет, она слишком хороша.

— Дай „Наган".

И пошел уже Мосолов. Он женщин еще не знал, а поэтому красота баронессы его не трогала.

Когда он вошел, то баронесса попросила его тоже о том же, о чем и Алешина.

— Хорошо,—сказал Мосолов:—пройдите вот в эту комнату,—и он указал, которая была дальше от улицы.

Когда баронесса переступила порог, Мосолов, шедший сзади, поднял „Наган", и выстрелил ей в затылок. Баронесса покачнулась, и упала.

Пришли два ходи (а их в отряде тогда было очень много), положили тело в мешок и вынесли во двор, где и зарыли.

Погибли муж и жена.

Зачем эти две смерти?

Были люди, которые старались протестовать против порок и ненужных расстрелов, но сами за это платились жизнью.

Так, например, прапорщик Богатырев и его приятель (фамилии не помню,—какая-то не русская), старые отрядники, с самого начала с Семеновым в боях дрались как львы, все-таки были расстреляны по приказанию Тирбаха.

Наглядевшись порок и расстрелов совсем невинных людей, прапорщик Богатырев и его приятель явились в штаб отряда с протестом. Их выслушали и сказали, что они могут итти. Сего же дня, вечером, капитан Попов получает пакет с приказанием уничтожить названных офицеров. Конечно, призваны были офицеры тот же Алешин и Мосолов, и им поручено было это. После некоторого обсуждения, они явились к Попову и заявили, что своих сослуживцев будет немного неудобно уничтожать, на что Попов согласился, и Богатырев и его приятель были отправлены в отряд Красильникова, якобы отвезти один секретный пакет, который и был им вручен.

Этот способ употребляли все время вплоть до прихода в Пограничную.

Офицеры, памятуя, что всякое приказание должно быть исполнено, бережно везут пакет, и доставляют адресату.

Там прочитали, напоили их пьяными и задушили, а потом на автомобиле увезли в сопки

Все было сделано тайно. Никто, кроме начальства, не знал. Кто-то наткнулся на эти трупы, и по знакам на рукаве „О. М. О." узнали, что офицеры—семеновцы. Началось брожение. Тирбаху много стоило уладить это дело. Атаману и красильниковцам было сказано, что это большевики и самозванцы: способ, который употребляется и по сие время. Чуть что—так: „А! самозванец, большевик, на сопку его!". А солдатам отряда было об'явлено, что таких-то офицеров во время командировки убили большевики.

Так все и заглохло.

Особенно усиленная рубка и расстрелы были в Маккавеево: январь, февраль и март месяцы 1919 года.

Рубили во дворе, где жил капитан Попов. И соседей можно сейчас спросить, так как они часто смотрели через забор. Делалось все это, конечно, ночью. Раз даже один из подглядывателей попался, но отговорился тем, что вышел „до ветру", ничего не видел и не знает. Ему пригрозили поркой, а потом и хуже—и взяли под надзор. Тех, кого рубили, когда они умирали увозили на Ингоду и спускали в прорубь, а тех, кого расстреливали, увозили расстреливать в сопки и бросали на с'едение волкам. Но расстреливали редко: жалели патронов, а рубкой прямо таки увлекались, некоторые учились и даже до виртуозности. Отличался прапорщик Павлов (теперь почему-то подполковник), который был взят Тирбахом в штаб, а сейчас в Гродекове служит Уссурийскому казачеству, и прапорщик Тарчинский, произведенный в Маккавеево же из гардемаринов. У каждого была своя работа: Павлов отличался во

дворе; Тарчинский хорошо рубил, когда осужденный стоял над прорубью, и ловко с помощью солдат спускал под лед. Но однажды случилось так. Два осужденных (оба железнодорожники), а суд был скорый и правый: председатель капитан (теперь подполковник или даже полковник) Перли, а члены—два-три офицера сидят за столом.

Перед тем, как привести на суд осужденных, или шомполами, или же нагайками всыпят по первое число.

— Ты большевик?—спрашивает председатель.

— Нет, помилуйте,—начинает, плача, осужденный.

— Как нет?—кричат.

Тут уж именно кричат все и часто—и члены, и председатель, а также и конвоиры, начинают избивать и тут же уводят на двор и рубят, или везут в сопки.

Не было ни одного случая, чтобы кого-нибудь оправдали, конечно, когда суд происходил таким образом. Часто председательствовал кап. Попов.

А иногда не было никакого исхода, так как на записке или делах обвиняемого был поставлен карандашом крестик и обведен кружочком—и подпись: „полковник Тирбах“,—ну, это значит: „гроб“.

Тут, будь хоть весь мир за него, никаких доказательств против него, все равно,—он должен быть уничтожен. Судьи обыкновенно не разбирали таких дел, да и вообще не разбирали. А просто, после того, как зададут два—три вопроса, вроде того, как зовут твою жену,—уводили на пытку, а потом уже на казнь.

Вот такие эти два осужденные и были. Одного начали рубить; было отрублено ухо, в двух-

трех местах изрублено плечо; судьи, конечно, присутствуют, тут же сами упражняются; но потом раздумали и решили расстрелять и повели в сторону станции по улице, предварительно связав одного с другим; но когда стали проходить улицу, и открылся пустырь, идущий вплоть до станции (кто был в Маккавеево, так тот знает), приговоренные, как сговорились, порвав тоненькую бичевку, бросились в разные стороны. Сначала опешили, конвоиры открыли стрельбу и одного сильно ранили и потом добили, а изрубленный так и убежал за линию в сопки, в лес. Сейчас же, конечно, были посланы раз'езды и конный, и пеший во все стороны и, главным образом, в сторону, куда он убежал, но найти не могли.

Кто был в Маккавеево приблизительно в средине февраля 1919 г., тот, наверное, помнит тревогу со стрельбой в 2 или 3 часа ночи. Это вот самое и было. Постарались, безусловно, замять: жителям сказали, что это ночная, пробная тревога для частей, а самым надежным частям, от которых и были высланы раз'езды, что это бежали два важных преступника.

Все, конечно, помнят случай зимой 1919 же года: покушение на атамана в театре, когда к нему в ложу с галлереи была брошена бомба, и он был ранен в ногу. Были пойманы шесть человек, один из них—еврей. Суда никакого не было; просто они были посланы из Читы в Маккавеево с препроводительной бумагой. Все время они не сознавались.

Употребляли, кажется, все—и шомполы и нагайки. Ничего не помогало. Тогда еврея (а остальных расстреляли так) привели в баню, ко-

торая служила для этой цели, а подчас и „губой“ для провинившихся солдат, и поручили допытаться Мосолову, для чего был позван солдат-китаец Чав Го-тин.

В бане еврея раздели до нага, дали несколько десятков шомполов.

У китайца, между прочим, были какие-то инструменты, в виде сапожных ножей. Потом попробовали жечь раскаленым железом. Еврей отказывался. Тогда голову его (а он имел богатую шевелюру) полили керосином и зажгли. Он упал в обморок. И вообще после каждого приема он был или в обмороке, или близко к этому; тогда ему давали некоторое время отдохнуть. Но не помог и огонь. Тогда еврей был подвешен к потолку за руки, а Чав Го-тин одним из своих ножей начал резать мошонку. Еврей извивался и кричал, но не сознавался.

Чав Го-тин ковырялся какими-то железными палочками в ране, приговаривая:

— Твоя говоли буди? А?

— Ой, скажу, ради Бога, бросьте!

Приказано было прекратить, и его сняли. Измученный, избитый, окровавленный, задыхаясь и плача, начал он еле слышно рассказывать, что будто в Иркутске есть организация против Семенова, членом которой он состоит, и что жребий пал ему убить атамана. Но действительно ли так было, установить не удалось, и, вообще, показание еврея скорее было похоже на бред, чем на сознательное признание.

Вскоре он умер.

Немного ранее только что описанного случая была сформирована дисциплинарная рота, при

штабе сводной маньчжурской атамана Семенова — но уже — дивизии, и все расстрелы были поручены названной роте. Командир роты поручик Атмутский*). Кто не знает этого зверя, который свирепствовал, главным образом, над своими?! Правая рука Тирбаха. При нем расстрелы уставным образом никогда не происходили, а всегда со зверствами. Любимый его прием — жечь на костре живьем, или после того, как отрубят ухо, нос, руку или еще что-нибудь — и тогда кладут на костер.

Ближайшим помощником Атмутского был прапорщик дисциплинарной роты Патрикеев, который и производил все экзекуции. Атмутский не останавливался ни перед чем и всегда у начальства, в лице Тирбаха, стоял на хорошем счету, т. е. в смысле — задушить, зарезать.

Без образования, грубый, нервный, он всегда мучил людей с каким-то садистским наслаждением.

Однажды чиновник интендантства дивизии Галафре был арестован, так как его подозревали в какой-то комбинации с овсом. Галафре был посажен в баню. Атмутский принес котелок овса и заставил его есть, и Галафре ел. Пищу, вообще, кроме воды, ему не приносили. Галафре сидел три дня, а потом, когда выяснилось, что он не виноват, был выпущен.

Сейчас Галафре служит в интендантстве 1-го корпуса дальне-восточной армии, если, конечно, не плюнул и не уехал в Харбин.

---

*) Убит в боях под Сретенском в конце апреля или в начале мая 1920 г.

ГЛАВА II.

Мария Михайловна.

О том, кто такая Мария Михайловна, откуда она взялась, чем занималась,—харбинцам лучше известно, и писать об этом не будем. Факт только тот, что она жена атамана Семенова, хотя у него в Верхнеудинске в то же время жила его законная жена и двое детей. Мария Михайловна—„мать атаманьша“. Другого имени ей не было—„атаманьша“.

Часто можно было читать приказы атамана, чтобы не устраивать никаких погромов еврейских и относиться к евреям так же, как и к русским, и вообще в таком духе.

Мария Михайловна—еврейка.

Все это приписывали ее влиянию на атамана, и, поэтому, некоторые сильные мира сего, в лице Тирбаха, Унгерн-Штернберга и др., старались ее устранить. Атаман долго не соглашался, но должен был уступить, когда Тирбах намекнул, что он не может остаться с отрядом, и пахло тем, что все рассыплется. А Тирбах это устроил бы. Безусловно, что Тирбаха Чита и все Забайкалье боялось больше, чем атамана. В Чите Тирбаха иначе и не называли, как „божок Тирбах“ или „царь Тирбах“.

Для устранения Марии Михайловны был вызван капитан Аргентов, поручик Атмутский и еще кто-то.

В это время Мария Михайловна находилась в гостинице „Селект“.

Названные офицеры подтрунивали над ней, намекая, что времена ее кончились.

Капитан Аргентов пел:

— Ваша шейка пахнет петелькой и на ресницах есть уж смерть.

Но пришло приказание от Тирбаха, котораго, видимо, уговорил атаман отправить Марию Михайловну в Японию, что и было сделано в эту же ночь. Но не долго она пропадала. Весной — так в конце весны—она снова появляется в Чите и еще с большими правами. Устраивает обеды, бывает на вечерах как на благотворительных, так и на других, печатает какие-то отчеты по устройству этих вечеров, а то и просто письма, подписываясь всегда „Мария Семенова“ или просто „Семенова“.

Но в это время она уже в политические дела не вмешивается, и Тирбах и другие оставляют ее в покое, да ей и некогда было заниматься политикой.

Вечно полупьяная, а то и просто пьяная, появлялась она в ресторанах, театрах, цирке в сопровождении целого штата личных ад'ютантов, офицеров и каких-то подозрительных дам и девиц.

Кругом все смолкало. Слушали только ее, а говорила она громко, никого не стесняясь, так, что слышит весь театр или цирк; делает замечания артистам из своей ложи, а когда нужно,— а может быть даже и не нужно,—пускает двух или трех'этажное словцо. Это она тоже может.

Так живет она до средины 1920 года, пока атаман окончательно не угоняет ее в Японию, дав предварительно крупную сумму денег, где и живет она, с кем-то путаясь, а сам снова женится, но уже на девице.

ГЛАВА III.

Броневая дивизия.

В начале существования отряда тоже были броневик—один или два, но что это были за броневики—одно горе! И, действительно, что может дать броневик, эта штучка на колесах? Поэтому в боевом отношении они из себя ничего не представляют и не представляли, да и потом уже, когда на Чите І-й и в Андриановке их привели, т.-е. самые обыкновенные товарные вагоны, в такой вид, что они могли служить защитой от пуль и только. Это, как в древнее время люди носили броню и щиты—защита от стрел, так теперь—народ измельчал, и броню эту он догадался передвигать, сидя в ней.

Другое дело, конечно, броне-поезд „Орлик", но да, ведь, он зато скоро скрылся. Вообще все хорошее, что можно взять, нашлись добрые люди и подобрали

Одним словом, броневики были удобны для перевозки ценностей и „начальства", которое побаивалось появляться на поездах, так как все время на линию железн. дороги нападали партизаны, а боевой единицы, страшной для противника они из себя не представляли. Но броневую дивизию в Забайкалье знают, кажется, все. Особенно чувствительно было железнодорожникам и жителям тех селений, которые прилегали близко к линии железной дороги.

Когда узнавали, что едет какой-нибудь броневик, то на станции, а также и в селении замирали все; кому нужно было—прятался; скотина-то и та, кажется, понимала: коровы не так

уж сильно мычали, собак совсем было не видно. Маленьких ребят пугали броневиком. Еще раз подтверждается поговорка про человека: „Что ни зверь—то трус". Чувствуя себя в безопасности, люди, населяющие броне-поезд, были, кажется, не людьми, а какими-то хищными, кровожадными зверями. Вот почему боялись броневика. Еще раз повторяю, что большевистские отряды, как боевую часть, броневик не считали и не боялись. Знали только, что его не возьмешь. Это верно, но и верно также и то, что если попадешь на броневой поезд, то не только не уйдешь живым, но перед смертью, кажется, познакомишься со всеми пытками, да еще на своей шкуре. Вот почему броневые поезда были страшны.

Я уже сказал, что после занятия Читы было приступлено к формированию броневых поездов, постройка которых производилась в железнодорожном депо ст. Чита I ая и ст. Андриановка.

Большевики, когда можно было, сбрасывали их с пути; их чинили, строили, доделывали, переделывали, и их снова ломали, или сами, в ведении которых они находились, или противник.

Название броневикам было дано, кажется, от фразы: „Атаман Семенов храбрый каратель, истребитель и грозный повелитель".

Отсюда явились броневики: „Атаман", „Семеновец", „Храбрый", „Каратель", „Истребитель", „Грозный", „Повелитель", которые потом были переименованы, когда их передали в ведение каппелевцев, за исключением некоторых. Командиром броневых поездов в начале был капитан Шелковый, который, удирая, захватил с собой между прочим, два броневика, т.-е., вернее, они (бро-

невики) захватили его, но туда, куда хотел Шелковый.

Но самое злополучное время было, когда командиром назначен был полковник Степанов и его помощник, уже знакомый нам, но в чине подполковника,—Юрий Владимирович Попов, который продолжал свою деятельность, но в еще больших размерах, на броневых поездах.

В те времена, которые я уже описывал, в Маккавеево, приблизительно в начале марта 1919 года рззыгрался скандал между Поповым, командиром батареи, и под‘есаулом Ивановым, старшим офицером той же батареи. Этот Иванов, обыкновенно человек непьющий, на сей раз выпил для храбрости и гонялся с обнаженной шашкой за Поповым, так что тому пришлось бежать и спрятаться в штабе дивизии.

А через два дня было известно, что Попов назначен помощником начальника броневых поездов, а батарею принял Иванов Делалось все очень просто!

Все экзекуции производились обыкновенно в боевом вагоне, т.-е. бронированном вагоне, в котором находятся два-три пулемета и иногда на вышке, если таковая имеется, орудие малого калибра, а также пулемет. Вагон так плотно везде заделан и забронирован, что снаружи не слышно, что делается внутри вагона.

Еще чаще осужденного после пытки сразу связывали и отправляли на паровоз. Предосторожность была такая, что связывали руки и ноги проволокой и бросали в топку. Как велики были мучения брошенного в топку, предлагается читателю судить самому.

На обязанности броневиков было также расстреливать большие партии. Тогда их сажали в вагоны, и, отойдя от станции, броне-поезд останавливался в поле, арестованных выводили, выстраивали и кончали пулеметным огнем или рубкой: это зависило от комброна (т.-е. командира броневика). Особенно много расстреляно в районе Маккавеево—Андриановка. А что делалось на Амурской ж. д., так это, наверное, одному Богу известно.

Однажды в Андриановке в один день было расстреляно 300 человек. Правда, это бывшие красноармейцы, но какая степень их вины? Может быть, такая же, какая получится после мобилизации в Харбине, и случайно попавшийся харбинец будет пойман большевиками. Ну, скажите, как велика его вина перед большевистским правительством, что он идет против них?

Согласен, что—вредный элемент, т.-е. очень вредный, которого никакая тюрьма, никакая каторга не исправят,—нужно уничтожать. Но это-то и удивительно, что люди, носящие погоны, несущие службу по старому уставу, не исполняют его, т.-е. все офицеры и солдаты не виноваты в этом, конечно, но „начальство", которое руководит этим и все время издает приказы и приказания и требует исполнения устава, ни разу и не подумало, что само оно никогда не исполняет устава, а сплошь и рядом даже совершенно не знает его. Начальство-то как раз и забыло, что офицеры скорее всего возмутятся таким способом уничтожения. Разве в старое доброе время не было казни, разве не расстреливали раньше преступников как политических, так и уголовных, но

никогда, ведь, не додумывались до того, что людей можно сжигать в топке паровоза, назначение которой совершенно другого рода.

Мало того, Семенов и его помощники совершенно забыли, что у каждого есть родственники, родные и просто хорошо знакомые, и что смерть близкого им человека никогда не простится. Следовательно, нужно быть очень осторожным, чтобы растреливать направо и налево, и ночью и днем, так как в конце концов будет слишком много недовольных. Уверяю, что истинные офицеры были против этого, кроме, конечно, психопатов, а о тех, которых наделали здесь, ну об этих и говорить даже не стоит, так как это не офицеры, а лакеи, холуи, да еще с подленькой душонкой.

Я могу, конечно, напомнить атаману Семенову и его помощникам, как происходили расстрелы в доброе время.

Ведь, Семенов—офицер мирного времени. Разве он забыл, что для этой цели вызывается взвод или полурота под командою офицера из любой части, и, по прибытии на место казни, по знаку офицера взвод дает залп? Видите, не рекомендуется даже подавать команду (во всяком случае не было принято), чтобы напрасно не нервировать и не мучить осужденного.

Ну, конечно, вам сейчас скажут, что у нас не было таких солдат. Неправда! Солдаты всегда были, с самого основания отряда. Да, наконец, такие взводы можно было приводить из офицеров (это, конечно, крайний случай). И потом вспомните, принуждения, даже в мирное время, не было: каждый солдат мог отказаться итти расстреливать, и наказанию за это не подвергался.

Были случаи, что взвод, приведенный на казнь, полностью отказывался стрелять. Тогда офицер, согласно закону, должен из револьвера сам покончить с осужденным, а взвод уводился домой, но никогда никого за это не наказывали, а просто держали эту часть или отдельных лиц на примете.

Да и понятно. Совсем другое дело—убивать людей в бою, как бы защищая самого себя, и совсем другое дело—быть палачом. То высокое и почетное назначение—защищать себя, свою родину, свой народ!.. А здесь: ну, представьте, перед вами беззащитный, имеющий жалкий вид, со смертью уже в глазах и умерший духом, и около него—с блестящими погонами, храбро упражняется в рубке уха, носа и т. д. Фу, как это противно! Да, наконец, кто дал право над жизнью и смертью людей, да еще тех людей, которые вас же, мерзавцы, защищают? Вы забыли разве, как расстреляли старого отрядного офицера, командира роты 1-го маньчжурского атамана Семенова полка, который все время отчаянно дрался с горстью людей против большевиков, только за то, что, разбитый большевиками, должен был спасаться вместе с людьми и, разобрав пулемет, разбросал части по свету. Ведь, он прав, он сделал все, этот, как будто маленький человек. И за то, что он „бросил" пулемет, по настоянию подполковника Комаржевского он был расстрелян, а этот мерзавец спокойно сейчас в Харбине рисует вывески, а в отряде был без года неделю Вот были времена!

Долго, может-быть, зверствовали бы полковники Степанов и Попов, если бы случайно не по-

пались. В одну из поездок на броне-поезде, как помощник начальника броневых поездов, Попов на одной из станций увидел гимназистку лет 15-16. Она ему понравилась. Дело было на броневике „Повелитель", которым командовал капитан Скрябин. Как ее взять? Попов приказал ее арестовать. Мать знала и просила даже самого Попова отпустить ее дочь, которая ни в чем не виновата. Но вину, натурально, нашли: наговорили, что она замешана в большевизме, агитации и т. д., и ее увезли. Во время хода ее изнасиловали. Насиловали по очереди. Начало, конечно, как старшему в чине, принадлежало полковнику Попову. Когда все кончилось, то поднялся вопрос, что же делать? Отпустить нельзя. Решили уничтожить—бросить в топку. Пожалел ли ее Скрябин или сделал безсознательно, но перед тем, как бросить, немного придушил ее, так что она упала в глубокий обморок. Но что из этого? Бедная гимназистка! Бедная мать! Верно говорят, что никто не пожалеет свое дитя так, как мать. Не дождавшись возвращения дочери и поняв в чем дело, пошла она искать, но, Боже мой, разве найдешь?! Много, может-быть, где она была бедная, пока не наткнулась на французскую миссию, где и рассказала о пропаже дочери, и при каких обстоятельствах. Тут дело пошло по другому. Все выяснилось. Выплыли все поповские и скрябинские дела, и они были преданы суду. Суд приговорил Попова и Скрябина к смертной казни, через расстреляние. На расстрелянии особенно настаивал Тирбах, боясь, что извлекут и его дело, о котором знали лишь Попов и Скрябин. При обыске нашли массу у них вещей и денег, взя-

тых от убитых ими ранее совершенно невинных людей. Так, у Попова найден золотой портсигар, принадлежащий одному богатому читинскому купцу, который неизвестно куда скрылся, когда поехал в Маньчжурию. Теперь понятно.

На казнь шли оба спокойно. Попов курил молча. Скрябин жевал сначала корку черного хлеба, захваченную с гауптвахты, и ругался говоря:

— Сам расстреливал, а теперь вот меня ведут...

Даже вздумал немного петь:

— Ах, шарабан, мой, шарабан...

Под конец попросил папиросу.

Расстреливали прапорщик Денисов и поруч. Гадлевский из „Наганов". Скрябина все жалели. Все-таки он славный был офицер, храбрый, тем более попал в эту кашу случайно, так как атаман дал ему денег на лечение в Японии, и он должен был уехать туда. А вот про Попова даже не хочется сказать: „Мир праху твоему!".

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Как будто стало легче.

Как произошло, когда и почему,—никто положительно не знал, но вдруг всем стало известно, что Тирбах женат, и показывали жену Тирбаха. Тирбах не потрудился, как это было обыкновенно принято, поставить в известность своих подчиненных о своей женитьбе, а эти подчиненные не могли даже об этом думать, памятуя слова Тирбаха: „Тот, кто женится, дурак, и я никогда не женюсь“. И он всегда обвинял атамана и был не доволен тем, что тот жил с Марией Михайловной. И верно говорит русская пословица: женится—переменится. Переменился и Тирбах. Он уже не мог жить с молодой женой в Маккавеево, его потянуло туда, где ей было жить веселее,—в данном случае—в Читу. Но нельзя же было сразу перебросить всю дивизию (а Тирбах с ней не расставался) в Читу, да там и не было места, а по тому пришлось привести в порядок бараки на Антипихе*). Тем временем Тирбах почти все части дивизии выводит в лагеря и располагает в разных местах—часть около Маккавеево, часть около станции Кручина, а сам живет с молодой женой на курорте Маккавеево. Тирбах занялся женой, а

*) Военный городок около Читы.

воинские части—устройством на новых местах. На курорте, якобы для охраны, находился инженерный дивизион и немного солдат и офицеров других частей, которые там лечились. О расстрелах и экзекуциях как будто не стало слышно. Жители указанных селений да и все вздохнули свободней. Как будто стало легче. Но это только казалось. Застенки были перенесены в другие места, переданы другим лицам, которые обставили все дело еще с большей таинственностью и жестокостью. Не доверяли никому. Знал только известный круг людей, специально выбранных для этой цели. Это так называемая „контр-разведка". Пункты контр-разведки находились в Чите и Антипихе. Это были самые главные отделения; мелкие же части и отдельные агенты были разбросаны по всему Забайкалью. Осенью этого же года контр-разведывательные пункты были сформированы при всех воинских частях, которые не мало принесли погани. В конце августа этого, т.-е 1919 года, была закончена переброска частей, и дивизия разместилась большей частью на Антипихе, штаб же дивизии поместился в Чите, на Костромской улице, в казарме бывшей искровой роты.

Во главе всех застенков стоял полковник (теперь генерал) Будаков— бывший жандармский офицер. Его помощник, есаул Сипайлов (теперь бродит где-то с бароном Унгерн-Штернбергом), человек, безусловно, ненормальный, потому что то, что проделывал Сипайлов, может делать только ненормальный человек.

В Антипихе комендантом городка был капитан Кондырев, а начальником контр-разведыватель-

ного пункта поручик Гадлевский. У них, в свою очередь, были помощники и агенты как солдаты, так и офицеры, которые и будут здесь показаны по мере того, как коснется их рассказ.

Все эти контр-разведки, застенки и тюрьмы принесли атаману громадный вред. Озлобили население до невозможности и внесли дезорганизацию в воинские части. Да и верно: кто же мог спокойно служить, когда известно, что за тобой все время следят, за каждым твоим поступком, за каждым словом, иногда даже сказанным шутя?! Как спокойно мог человек говорить с офицером или солдатом, который служит в контр-разведке?! Каждый шаг твой могли разглядывать в таком виде, что хотели—миловали, хотели—казнили. А не дай Бог, что вы лично были в ссоре с кем-нибудь из контр-разведчиков, хотя бы по делу частного характера—ну, просто, не сошлись во взглядах,—и дорога одна—на сопку.

Сколько погибло людей! Атаман Семенов теперь сам, наверное, видит, что наделали его помощники, если даже такие глупые и никчемные люди, занимавшие приличные посты (подчас даже и дутые), как Понтович, Костров и др., надули его, обокрали и скрылись. Собственно, обокрали они, конечно, Россию, русский народ, но все же обманув атамана. Да и кто дал право атаману Семенову распоряжаться жизнью русских граждан, распоряжаться русским добром?! Позор! Стыд! Русские люди, что вы делаете?! Почему даете возможность одному человеку неизвестно для какой цели главенствовать, хотя бы в какой-нибудь области нашей обширной матушки России?!

Я верю в то, что все-таки русский народ ко-

гда-нибудь призовет людей, грабящих Россию, и иностранные державы, которые помогали таким людям, к ответу: „А почему,—скажет,—ты, господин хороший, взял золото, принадлежащее русскому народу? Кто дал тебе это право? Может-быть, какой-нибудь Далай-Лама?“ И я знаю, что один из господ этих скажет: „Я тратил эти деньги на армию, чтобы восстановить в исстрадавшейся России порядок“.

А много ли потрачено на армию? Вот посудите теперь сами. Здесь, в Харбине, вы можете достать все, и вас даже просить будут—купите, ради Бога. А что было в армии?! Ходили без сапог, без белья; полушубки всегда выдавались в конце марта месяца, и тут же их отбирали, а летом они бесследно куда-то исчезали, и осенью снова нечего было выдать, и армия вечно была без теплой одежды. В начале существования отряда было сравнительно сносно, но тогда, наверное, не научились еще воровать

Кроме того, на каком основании атаман тратил на себя и своих родных такие суммы, которые, наверное, не тратил царь могущественнейшей в мире державы, как Россия,—Николай II.

На что были приобретены для себя и своих присных дворцы?!

А куда ты, атаман Семенов, девал деньги, вырученные от продажи японцам вольфрамовой руды на сумму восемь миллионов иен? Почему ты не прекращал грабежи и просто кражи твоих ближайших помощников, не расстрелами, конечно, а отнятием награбленного и возвращением на место и удалением с занимаемой должности замеченных? Да, расстреливали за пять тысяч рублей,

да еще и „сибирских“ (которым сейчас грош цена) какого-нибудъ бедного офицера, который зарвался и пропил от „хорошей“ жизни и который, получая три тысячи—три тысячи пятьсот, мог бы покрыть истраченное в полтора месяца. Кто грабил миллионы, тому жали ручку, благодарили за усердие и награждали чинами.

Смотри, что получилось!

Всем, конечно, известен начальник военных сообщений, генерал-майор Меди. Разве чины армии не знают, что, по прибытии в отряд—тогда капитан или же штабс-капитан—Меди не имел белья, чтобы сменить грязное, и офицеры давали ему свое белье, а летом 1919 г. он уже послал в Токио в банк 200.000 иен на текущий счет, а сейчас великолепно и спокойно живет в Харбине, занимая квартиру в миллеровских казармах, и имеет такую обстановку, какой не имеет ни один, наверное, харбинский миллионер. Да, теперь поняли: это сбережение от получаемого жалования!

Вот что спросит русский народ.

ГЛАВА II.

Антипихинская контр-разведка.

Как уже выше было сказано в предыдущей главе, начальником контр-разведывательного пункта на Антипихе был поручик Гадлевский, а комендантом—капитан Кондырев, который, собственно, занимался более слежкой, ища большевиков, а поэтому мы их и встречаем вместе, как

сотрудников. Застенок на Антипихе был устроен в подвале одного из бараков, где и происходили все экзекуции.

В виду того, что урочище Антипиху населяли воинские части, то и арестованные были большею частью военные, т.-е., главным образом, солдаты своих частей; были, конечно, и частные лица, т. к. Гадлевский часто посещал ближайшие деревни и поселки и оттуда доставлял „работу", а также был посылаем начальством кого-нибудь выслеживать и арестовывать в более отдаленные места.

На Антипихе употреблялись новые приемы с винтовкой, конечно, по отношению к арестованным, а именно: вывертывание рук посредством винтовки и прием с шомполом, который я, даже, не берусь описывать.

Должен сказать, что описываемые мною в этой книге примеры не единичны. Я беру, именно, как пример, но это применялось, ведь, к каждому арестованному, и если бы я стал описывать случаи в отношении каждого арестованного как в Маккавеево, так и здесь, да и в будущем, то нужно было бы исписать целые томы. Я привожу примеры более яркие, более интересные, а главным образом, когда погибшие были ни в чем не виновные лица.

Приблизительно правильную сумму людей, погибших ни за что можете узнать, если показанные примеры увеличите во сто раз. Правда, тот случай, который я сейчас опишу, разбирать трудно, потому что среди них виновные были, как заговорщики, но мне кажется лучше было бы, удалив главарей, остальных, как политических

преступников, упрятать в теплые мѣста, пока они не одумаются. Меня страшно удивляет, почему атаман Семенов не воспользовался этими арестованными, которых он отправил на тот свѣт не одну тысячу. Ведь, лучше было бы, если всѣх арестованных отправить на самые лучшие прииска Забайкалья и заставить их там работать, поставив на каждом прииске небольшой гарнизон, и тогда своим подчиненным не пришлось бы ему платить „голубями“, да и золото не так скоро бы ушло в Китай.

Осенью, т.-е. приблизительно в сентябре месяце 1919 года, поручиком Гадлевским был раскрыт заговор, в котором участие принимали солдаты гарнизона. Главная ячейка была в Чите, а на Антипихе в каждой почти части были ячейки из солдат. Всем этим заговором руководили четыре—пять человек (среди которых даже были две женщины), которые, якобы, были присланы из Москвы.

Большинство же солдат, участвовавших в заговоре, были из первого конного атамана Семенова полка. После допроса и дознаний, с применением, конечно, винтовок и шомполов, было расстреляно 77 человек таким образом:

Накануне казни была вырыта в лесу, к северу от Антипихи, громадная яма, с расчетом, чтобы туда помѣстились все 77 человек. Арестованные—искалеченные, связанные друг с другом, под конвоем, состоящим, главным образом, из офицеров первого маньчжурского атамана Семенова полка и легко-артиллерийского дивизиона и самых надежных солдат (которых, впрочем, было очень немного), при одном пулемете, под коман-

дой командира легко-артиллерийского дивизиона полковника Бебенина, рано утром, приблизительно часа в четыре—пять утра,—были приведены на мѣсто казни. Расстреливали по десятку из вин товок, а пулемет был наведен на тех, кто ждал своей очереди: боялись побѣга, или —что обреченные на смерть люди, зная, что терять нечего, пойдут на все.

Расстреливали на все лады, главным образом в лет, т.-е. арестованного заставляли подпрыгнуть и лететь в яму, а в это время в него стреляли. Некоторые осужденные плакали, а некоторые ругались. Послѣ прыжка в яму, часто лишь раненые, или даже пуля их совсем не заденет, некоторые арестованные с каким-то нечеловеческим криком старались вылезти из ямы, карабкаясь на края последней, но тут их прикладами и плетками старались вернуть обратно. Это была какая-то бойня. Один из расстреливаемых, после пяти полученных уже пуль в голову, грудь и др. места, все же продолжал ругаться и, умирая, имѣл еще силы запеть: „Мы жертвою пали“, после чего огонь был направлен исключительно на него, и он испустил дух буквально уже изрешетенный.

И так все дела похожи одно на другое.

Как на подтверждение такой „работы“ прошу обратить на тот факт, что, несмотря на приказы атамана производить в следующий чин офицеров только за боевые отличия, один из сотрудников пор. Гадлевского, ближайший его помощник прапорщик Пецко, в апреле месяце 1920 г. был уже капитаном; и после экспедиции, посланной из Борзи, —подполковником; до этой экспедиции он жил все

время на Антипихе. В полгода—и такая карьера. Это—чины за „усердную работу“. А во всех бумагах и послужных списках значилось: „Произведен в такой-то чин за услуги, оказанные родине“ и т. д.

Да, услуги велики, и, поэтому, требуют „награды“, а может-быть и возмездия.

К этому же приблизительно времени (немного позднее) читинская котнр-разведка, раньше не имевшая своего помещения для арестованных (так как посылала последних или на читинскую гауптвахту, или на Антипиху), устраивает свою гауптвахту при канцелярии контр-разведывательного пункта. „Дела“ на Антипихе замирают, т. к. читинская контр-разведка с еще большим остервенением начинает расправляться сама. К описанию ея мы и перейдем.

ГЛАВА III.

Читинская контр-разведка.

Сначала читинский застенок основался на Коротковской улице, в доме Шмуловича, но в виду того, что нельзя было устроить гауптвахту, т. к. не позволяло занимаемое помещение, то канцелярия пункта была перенесена на Ингодинскую улицу, в дом Полутова (если не ошибаюсь), где и был устроен застенок. В Чите да и, вообще, в окрестностях знали, что если пропадет человек, то он сначала будет на Антипихе, а потом на сопках, но ничего не знали, что творилось в читинском застенке. Даже в цирке Мар-

тини вы могли услышать от клоуна, что частей света шесть, и на вопрос другого: какая же шестая часть?—следовал неизменн. ответ—Антипиха.

Про Антипиху догадывались, что там происходит, и вот, как видите, старались даже продернуть. Но читинская контр-разведка была обставлена такой таинственностью, что не только никто не смел знать, но и догадываться, а если бы кто вздумал высказывать свои догадки вслух, то, безусловно, тому мало не было...

Гауптвахта контр-разведки помещалась в полуподвальном этаже и представляла из себя комнату длиною в 7 шагов, а в ширину 3 шага. В комнате этой были устроены двойные нары, занимавшие собою всю комнату; оставлен был только проход вдоль стены приблизительно на поларшина от стены. Нижние нары возвышались над полом на аршин, и аршина на 2—вторые от первых. Караул находился в такой же величины, как гауптвахта, комнате, и помещение караула от гауптвахты разделяла только досчатая перегородка.

Гауптвахта была подчас битком набита арестованными; очень важных, в цепях, заталкивали под нары, где они и лежали, а остальные—на нарах.

Как уже было сказано, начальником контр-разведки в Чите был полковник Будаков, его помощники: есаул (теперь полковник) Сипайлов и чиновник Петрашевский. Из солдат особенно отличались: солдаты комендантской роты Лукин и Стамбовский. Все лица, во главе которых стоял (теперь генерал) Будаков, были звери во образе человека. Читатель сам увидит, что творилось.

Будаков, с виду благообразный старик, с большой седой бородой (единственный, кажется, генерал в Чите, который имел генеральский вид\, и вы никогда не подумаете, что такой старичек может чуть ли не дискантом, но улыбаясь и совершенно спокойно, сказать: „Зарубить его!"—и рубили. Рубили топорами, которыми колят дрова, потом вызывался автомобиль, и на сопку везлась „пища" волкам.

Сипайлов, с вечно подергивающимся лицом (надо полагать, пляска св. Витта), нервный, горячий, наоборот, истязал каждого арестованного, весь дрожа. Предполагают, что он садист; то же самое, кажется, и солдат Стамбовский.

Петрашевский?—описывать всех лиц я не буду, потому что вы их можете ежедневно видеть на Китайской, в Новом Городе и других местах Харбина. Спросите любого офицера или солдата, и вам укажут; только Сипайлов еще зверствует, гуляя с „бароном", да Пукин служит, наверное, сейчас в красной армии.

„Начальство" очень часто, подвыпив в ресторане „Сибирское товарищество", часам к 2 или к 3 приезжало на гауптвахту и потешалось. Потехи все были такие, что, описывая, не подберешь слов, чтобы они были более удобоваримы.

Как то раз ворвался на „губу" Сипайлов—и пошла „потеха". Он вызывает одного арестованного, привязывает его за известный отросток к дверной ручке так, что арестованный, подтянутый стоит на цыпочках лицом к двери, Сипайлов же в это время бьет несчастного поленом, тот кричит от невыносимой боли, т. к. удары, главным образом, были направлены на голову, и

рвётся. В конце концов он отрывает конец „отростка“, за который он был привязан и в полуобморочном состоянии его пока оставляют в покое, т.-е. до дня казни, или же до следующего сеанса. Чаще всего и бывает, что арестованный в один из таких сеансов умирает от пытки; тогда вызывают автомобиль, обыкновенно из гаража маньчжурской атамана Семенова дивизии и увозят на сопку. Шоффер обыкновенно был Навроцкий—разжалованный офицер, но офицер-то он сомнительный, подчас и сам принимает участие в экзекуции.

Так, один арестованный, очень здоровый человек, несмотря на то, что его били со страшной силой шашкой плашмя, молчал, что всех возмущало и еще более озлобляло; тогда начали бить громадным поленом по голове,—он не выдержал и закричал, тогда все удовлетворились, но, тем не менее, Навроцкий начал выкалывать ему на груди штыком слова: „большевик-коммунист“, по окончании чего исколотую грудь чем-то натер, так что грудь вся моментально распухла. При смене караула новый караульный начальник отказался даже принять этот полутруп,—до того был ужасен его вид.

Стамбовский был любитель забав другого рода. Нужно сказать, что караул был почти всегда от комендантской роты при штабе С. М. А. С. дивизии и редко от других частей, а Стамбовский всегда попадал туда, как караульный начальник. Он часто оставался на гауптвахте по 2 по 3 дня, прося по телефону сменить караул, оставив караульным начальником его, что всегда и делалось.

Так, однажды Стамбовский заставил одного старика заниматься ононизмом. Не исполнять приказания арестованные, конечно, не могли. Найдется такой, который сначала не исполнит, — он подвергался таким пыткам, что в результате он все-таки исполнит, да еще вдобавок перенесет столько мучений.

Или же часто Стамбовский заставлял совершать акт между арестованными мужского пола, на что смотрели остальные арестованные и караул, который потешался. Все почти выходки Стамбовского были такого рода и, конечно, с битьем, ломкой костей и, вообще, кровопусканием.

Еще любимым занятием Стамбовского было заставлять арестованных изображать каких-либо животных: так одного он заставлял кричать по кошачьи, другого—лаять и т. д. Или же вызывал несколько арестованных и приказывал им вылизывать языком пол как в караульном помещении, так и в камере, и арестованные, конечно, исполняли. Нужно также добавить, что женщины-арестантки, иногда даже с детьми, находились в одной камере с мужчинами, т. к. камера-то была одна, и этими женщинами всегда пользовался караул, становясь в затылок, после чего они отправлялись на тот свет.

А полковник Сипайлов даже извлекал, когда мог, из арестованных пользу. Так одну арестантку (а она обвинялась в том, что была, якобы, сестрой милосердия у красных) он взял к себе в качестве прислуги (а жил он в верхнем этаже, как раз над гауптвахтой), и она работала на него два или три месяца, при этом надо добавить,

что караул ею тоже пользовался, конечно, как женщиной.

В камере гауптвахты очень часто скоплялась такая масса арестованных, что при всем желании туда не могли уже всунуть, а арестованных в такой маленькой комнате подчас было человек 50. И вот когда более и помещать было некуда, то тут же, кого находили нужным, душили, и освобождали место для вновь прибывших; вот в одну из таких операций была задушена заодно и эта женщина, тем более, что ее кто-то заразил сифилисом, и, поэтому, Сипайлову она, как прислуга, была больше не нужна.

ГЛАВА IV.

Штаб маньчжурской дивизии и комендантская рота.

Собственно, если бы это был только штаб и больше ничего, то он нас не мог интересовать с этой стороны,—как застенок. Но в том-то и дело, что штаб-то он штаб, но при нем и застенок, делами которого ведала комендантская рота, т.-е., вернее, начальство штаба и командир комендантской роты и его помощники.

Командир комендантской роты—капитан (теперь подполковник) Грант (с этим „голубем сизым“ Харбин уже, кажется, давно знаком).

Начальник маньчжурской дивизии, полковник (потом генерал-маиор) Тирбах, начальник штаба генерал-майор Васильев, который потом принял эту же дивизию,—лица все известные, а

потому ясно, что хорошого ничего не могло быть, да и не будет, когда соберутся вот такие „орлы“.

Тут такая масса дел, что мы возьмем самые последние, да и часть их уже мною описана при рассказе о дисциплинарной роте при штабе С. М. А. С. дивизии.

Не лишним будет указать лиц, которые отличались в зверствах, чинимых при штабе дивизии. Прежде всего, конечно, сам Грант Александр Карлович, отец Гранта, командир комендантской роты, который был нечто вроде контр-разведчика при штабе дивизии, потом его сын Анатолий Александрович Грант, капитан Карманов, прапорщик Богославский, прапорщик Пакуля, прапорщик Денисов и разжалованный офицер Белькевич, которого несколько раз разжаловывали, производили, снова разжаловывали и т. д., а также фельдфебель комендантской роты Лукин, о котором я уже упоминал.

Из всех дел, совершенных в комендантской роте, интересно убийство правителя личной канцелярии адмирала Колчака—сотника Каменева.

Каменев приехал в Читу по делам службы,—был, следовательно, в командировке, и особых подозрений не должен бы, казалось, на себя навлечь. Так нет,—кто-то пронюхал, что у него много золота. Каменев был арестован и обвинялся в агитации против атамана Семенова и, якобы, переманивании на сторону Колчака офицеров и солдат. А было-то это, собственно, не задолго до падения Омска, так что о переманивании не стоило бы и говорить. Да, вообще, в возведенных на него обвинениях от начала до конца—все было сплошной выдумкой. Просто-напросто хоте-

ли взять деньги, но для этого нужно было уничтожить их владельца, в данном случае,—сотника Каменева. И его уничтожили. Но как его мучили! Как мучили,—никакое перо не может, пожалуй, описать! Были применены, кажется, все способы. В конце концов, он был расстрелян, и деньги в сумме 1 миллиона сибирскими и часть романовских, а также 18 фунт. золота застряли в бездонных карманах этих хищных лиц.

Интересен также факт посылки с отрядом генерала Скипетрова контр-разведчиков. Главным лицом был послан, конечно, полковник Сипайлов, а маньчжурская дивизия выделила Александра Карловича Грант, поручика Гадлевского, прапорщика Веселова и фельдфебеля Лукина. Это главнодействующие лица этой экспедиции.

Застенок был основан на барже, на озере Байкале, и особенно досталось „иркутским министрам", которые там находились. До чего доходили все эти защитники „правды и порядка", видно из того, что жену или родственницу одного из министров прапорщик Веселов и Лукин тут же на палубе баржи изнасиловали в присутствии своего „начальства" и „министров".

Немного ранее только что описанного случая эта же „разведка" прислала в Читу двух „жидов". Их сейчас же поместили на гауптвахте контр-разведки. Захвачены они были поручиком Михайловым и обвинялись в том, что передавали красным оружие. Поручик Михайлов—„между прочим"—взял большую сумму денег у этих „жидов", за что и был потом, по расследовании дела, расстрелян по приказанию атамана. А арестованных так на гауптвахте разделали, что у одно-

го оказались переломленными обе ноги, а другой навсегда оглох и тоже не досчитывал целыми кое-каких костей. Некоторые уверяют, что их освободили, но что-то не верится, т. к. их увезли на автомобиле (а сами-то они, впрочем, и не сумели бы уйти), но мы знаем также, куда это возят на автомобиле, да и вряд ли маньчжурская дивизия согласится выпустить живые улики,—что-то такого случая я не помню; наоборот, своих, которые очень много знали что-нибудь, и тех не щадили, а давили, когда это им было нужно.

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА I.

ЭВАКУАЦИЯ.

Еще месяца за 2 или полтора до эвакуации из Читы, в читинских газетах много писали, да и так говорили, что „идут, едут, везут“. Это— каппелевцы. Собственно, каппелевцев там было полтора человека, как и сейчас, но почему-то их называют каппелевцами. Это была просто разбитая и бежавшая в панике армия адмирала Колчака. Дело-то в том, что отряд Каппеля и каппелевцы, именно, как боевой элемент, очень многим известны, а т. к. в отряде атамана Семенова было очень много, как я уже говорил, с Волги и из других мест Европейской России, то все знали, а очень многие сами были в отряде полковника Каппеля.

Правда, был у него отряд в 800 человек, очень боевой и стойкий, но от него после нескольких боев ничего не осталось, и были набраны, и в очень большом количестве, просто праздно шатающиеся, Нужно сказать, что в армии адмирала Колчака делалось просто: офицеры и солдаты ходили из части в часть и „нанимались“,—как говорят они сами.

Редко найдете вы солдата или офицера, чтобы за время пребывания у Колчака, он не побывал в 5-6 частях, потому что, если кому не нра-

вилось, предположим, в какой-нибудь части, то он просто забирал свои „манатки" и шел в другой полк; его, конечно, принимали, т. к. части никогда не имели, хотя бы приблизительное число людей для того, чтобы названная единица называлась частью. Например, полк,—в полку еле-еле вы наберете, с гг. офицерами, человек 200. Ну, какой же это полк? Поэтому всех приходивших брали с радостью.

Вот и случилось, что после того, как, приблизительно, в сентябре или октябре 1919 г. в в Омске и по всем станциям железной дороги были вывешены плакаты: „Все в отряд генерала Каппеля", посыпали праздно шатающиеся, чтобы носить это громкое название, прославившегося генерала,—„каппелевец". Но после того, как сам генерал Каппель умер, тут уж нечего, конечно, говорить,—совсем все рассыпалось. Но все же говорили, что идут „каппелевцы", и сейчас их всех называют „каппелевцами", как будто армии адмирала Колчака никогда не существовало, и в ней никто не служил.

Наконец, пришли.

Ледяной поход совершен. Получили по два чина. Надели „понужайлы"*). Начали пьянствовать; в общем, все, как полагается, но тут-то и начались распри с „семеновцами". А тут, как на зло, шли чешские эшелоны, с которыми тоже у Семенова были кое-какие счеты, т.-е., проще, Семенов боялся, что чехи его сковырнут, а их было много, и противник был хорошо вооружен. Семеновские части все время были настороже. Часто были тревоги, и части ночами не спали.

*) Орден, который носят каппелевцы.

Да и верно—время было тревожное. Все смотрели в сторону японцев,—последние молчали и *сидели по казармам*. Все, конечно, помнят, на второй или третий день Пасхи, речь командира 2-го казачьего артиллерийского дивизиона, есаула Новикова, в гарнизонном собрании, когда он сказал, что чехи продали их, как „жиды" продали Христа за 30 сребреников, и на другой день генералу Сыровому было послано 30 рублей серебром, который и принял их, думая, наверное, „пригодятся". Так и кончилось ни в чью. Чехи проехали. Правда, в Хайларе вздумали они, было, побрыкаться, но японцы им сделали такое внушение, как делают взрослые детям, что чехи, наверное, долго будут помнить.

Японцы часто говорили чехам: „Правда, нас здесь мало, и верх может быть ваш, но не забывайте, что вы домой поедете мимо Японии". И для пущей важности японцы пустили один или два парохода с отправляющимися на родину чехами ко дну, и страшно извинялись перед чехами, говоря: „Простите! Мы, собственно... что ж... мины... знаете ли... от пятого еще года... Да... уж извините...".

И чехи поняли, что мин от пятого года может быть очень много и во свояси смотались. Такую же штуку, пожалуй, японцы выкинули и с „каппелевцами". Эти начали поговаривать, что долой Семенова, довольно ему грабить, убивать и т. д. Японцы видят, что каппелевцев очень много, а поэтому они как бы принимают сторону каппелевцев, хотя, правда, в начале были и драки, даже вооруженныя столкновения, но это было под

пьяную лавочку *). Потом часто можно видеть было на улице пьяного „каппелевца“ в об‘ятиях японца, который говорил: „Каппель?—хорясо!“. Семенов?—не хорясо!“ А в высших кругах японские офицеры „семеновцам“, полупьяные говорили также, только наоборот, т.-е. Семенов—хороший, а Каппель—нет.

А семеновские офицеры и солдаты уж было приуныли. Солдаты часто говорили: „Вот до чего довели порки и расстрелы, японцы и те отвернулись“. Но теперь все видят, что все-таки Семенов для японцев что-то значит, и сумели увезти и золото, и атамана так, что никто не знал, хотя каппелевцы и здорово караулили золото и ловили некоторые атамана, но...

— Послушайте, господа!, как же золото? А атаман-то?

— Вот это чорт знает что такое!

— Да, да, увез! Увез—так его растак!..

— Всеравно, поймаем, ей Богу, поймаем!

— Да уж это как пить дать,—поймаем!..

И верно. Как случилось? Был все время в Маньчжурии, а потом—на: сразу в Порт-Артуре изволит заседать.

Начали ходить слухи, рассказы, что будто в пломбированном вагоне... японцы... и т. д.

Чудаки, они думали найти глупее себя! Если вы атамана и японцев раз проведете, так они вас—десять раз!.

Но вернемся к эвакуации. Все-таки особенной дружбы, значит, не было, хотя и много об этом писали, а поэтому маньчжурскую дивизию и

---

*) Случай на Сенной площади в Чите или как ее называют Сеннуха.

части 1-го корпуса бросили в Борзю, а сам атаман остался пока в Чите. Перед эвакуацией еще, благодаря разговорам, как я говорил, многие офицеры и солдаты стали переходить, конечно тайно, к каппелевцам; оттуда же, несмотря ни на какие требования, уже не выдавали, да и, верно, очень многим уж надоели порки, расстрелы, насилия и произвол „начальства", а „начальство", как бы чувствуя, что, наверное, скоро уже ему не быть начальством, грабило вовсю. Интенданты, начальники различных снабжений, командиры частей, заведывающие хозяйством—тащили, кто сколько хотел. В маньчжурской дивизии особенно свирепствовал начальник названной дивизии генерал Васильев, заведывающий хозяйством штаба капитан(?) Апполонов и его делопроизводитель, чиновник Титов, а также Грант Анатолий Александрович, командир комендантской роты. Прежде всего начальник дивизии генерал-маиор Васильев приказал выписать „иены", которые, согласно приказу, должны были быть выданы женатым солдатам и офицерам на эвакуацию, но как раз таковые не получили, а холостые „сильные мира сего" раз десять, а некоторые—и больше. Список был написан такой, что помещены все офицеры, и солдаты да еще и те, кто был убит или умер года два тому назад. И получили из трех мест: штаба походного атамана, коменданта города и начальника снабжения, и иены эти разделили между собой генерал Васильев, Апполонов и Грант, дав тому только, кто знал об этом, и то не всем, а лишь прапорщику Денисову и хорунжему Лутонину. Были получены большие суммы денег. Все время также получали на всех чинов штаба и ро-

ты сукно, шевро и из склада—спирт и водку. И все это загонялось, и деньги делились пропорционально, смотря по чину и занимаемой должности, а тот, на кого это было дано, не получил ни черта.

Половив рыбку в мутной воде, т.-е. основательно набив себе карманы, „начальство" дунуло в Борзю, туда же были направлены и эшелоны с частями.

ГЛАВА II

Борзя и две экспедиции.

Штаб маньчжурской дивизии прибыл в Борзю числа 24 или 25 марта 1920 г., приблизительно к этому времени были переброшены и все части этой дивизии.

Комендантом поселка Суворовского (ст. Борзя) был назначен все тот же командир комендантской роты, капитан Грант (Анатолий Александрович). И сразу же вошел в свою роль по своему: прежде всего были арестованы все китайцы поселка. Предварительно проделали, конечно, у них обыск: искали кокаин, опий и оружие. Все ценное и деньги безцеремонно отбирались и также безцеремонно Грант клал их себе в карман, а китайцы (а они были все, главным образом, торговцы), после 2-3 дней ареста, выпускались на свободу.

Но хуже пошли дела у Гранта, когда высшее начальство было назначено из „каппелевцев": так начальник дивизии генерал-лейтенант Кислицын,

начальник штаба—полковник Мельников. И вообще „каппелевцами“ против Гранта была возбуждена масса дел, которые раньше покрывал и клал под сукно Тирбах. Особенно сильным врагом Гранта был, но уже позднее, все тот же начальник дивизии, генерал-маиор (только что произведенный) Мельников. И вот, чтобы немного выкрутиться и получить „железную дорогу“ [подполковника), как говорил сам Грант, он едет в экспедицию, которая была отправлена из Борзи 4 июня 1920 г., т.-е. когда почти вся маньчжурская дивизия, барон Унгерн-Штернберг и японцы имели сильные бои в районе Борзя—Нерчинский завод.

Но и там этот низкий и нечестный человек не удержался, чтобы не отправить на тот свет кое-кого и не ограбить, но он еще и связывает это дело с Мельниковым, который, чувствуя свою оплошность и ненужное убийство, на некоторое время замолкает, но потом еще сильнее озлобляется против Гранта.

В Усть-Озерной Грант видит 3-х китайцев-торговцев, которые развозят на лошадях товар по поселкам и торгуют. Грант их арестовывает, а сам бежит к Мельникову с докладом, что он поймал шпионов, что нужно их, пожалуй, расстрелять, т.-к. они возят большевикам сведения и оружие.

Мельников старался отговориться, что, может-быть, обойдется так, без расстрелов, но Грант начал с таким жаром доказывать и указывал на какие-то приказы, что Мельников принужден был согласиться, и китайцев (троих) расстреляли, в результате чего у Гранта осталось в ба-

рышах 3 лошади и 3 воза товаров. Одну лошадь он продал, другую подарил, а третья, кажется, убежала во время боя.

Из товара часть он роздал солдатам комендантской роты, а другую часть менял у жителей, и у других воинских частей на продукты, как-то: муку, масло, молоко и проч. До чего мелочен Грант, вы видете сами. Он не расставался, по рассказам солдат, ни с пуговицей, ни с коробкой спичек, не останавливался также перед убийством, чтобы получить их. Повертевшись несколько дней в войсковых частях, он едет обратно в Борзю. Сам пишет на себя представление в подполковники, дает кому нужно из начальства подписать, и все это идет тут же к атаману на подпись, а атаман как раз приехал в Борзю, и Грант надевает погоны подполковника. Тем временем возбужденные каппелевцами дела идут своим чередом, и следователи усиленно просят арестовать Гранта и требуют его к себе на допрос. Много дел натворил Грант здесь, в Харбине, и харбинский следователь тоже частенько посылал бумаги с запросом о Гранте, но Тирбах их обыкновенно рвал или складывал в особую папку. Но Тирбаха здесь не было. Но, ведь, не даром Грант сам говорит: „Нет такого дела, из которого бы я не вывернулся“, т.-е. подразумевая свои дела, и он сам сознается, что он мошенник великой руки, конечно, когда он находится среди „приятелей“.

„Ну, и что же, вывернулся Грант?“—спросите вы. Натурально, вывернулся. Дело в том, что еще будучи в Маккавеево, Грант как-то раз ссадил с поезда одного торговца, крестьянина Шашкина и, обвинив его в большевизме, отобрал 25 т. романов-

скими и тысяч 15 керенскими, в общем, всего около 40 тысяч. А крестьянина Шашкина велел прапорщику Пакулову, когда тот поведет на допрос, по дороге пристрелить, что тот и сделал, а Грант донес потом, что Шашкин, пытаясь бежать, был убит конвоиром. Вот это-то дело и выплыло. Безусловно, судебный следователь больше бы мог рассказать, да уж не даром он так долго и настойчиво требовал Гранта. И вот Грант, в этот же приезд Семенова в Борзю, пишет рапорт, в котором, конечно, кроме лжи, ничего не было, дает кому нужно из своих хорошо знакомых, но начальствующих лиц, написать аттестацию, и это, набитое сверху до низу ложью, идет к атаману Семенову, который и пишет резолюцию:

„Зная полковника Гранта, как честного офицера, приказываю дело прекратить и запрещаю кому бы то ни было давать показание по этому делу. 8/VII 20 г. Атаман Семенов".

И дело было прекращено. Да еще Грант, как комендант, сам отправляет следователю бумагу с резолюцией атамана Семенова, подписываясь уже полковником. В Борзе тоже надо ему было что-нибудь устроить, но тут они работают вместе с папашей (тоже тип достойный внимания). Очень жаль, что не помню фамилии агента забайкальского союза кооперативов и заведывающего борзинским отделением, у которого папаша Гранта вымогал муку, мануфактуру и проч. Когда сын узнал, то тоже присоединил свой голос. А агент забайкальского союза кооперативов был в тоже время поставщиком на интендантство I-го корпуса и имел дела с полковником Куклиным, к которому и обратился с советом, но тот сказал ему,

чтобы он ничего не давал. Тогда отец Гранта, как контр-разведчик, арестовывает агента забайкальского союза кооперативов, обвиняя его в большевизме. А случилось это так, когда агент, помня совет Куклина, отказал Гранту, отцу, тогда тот сказал: „Ну, подожди же, будешь ты меня помнить“. И дня через два его арестовали. И когда агент сидел на гауптвахте, он, конечно, пожалел, что не сунул взятку, и думал, что его кто-нибудь выручит, т. к. все время писал лицам, хорошо его знающим, и начальству бумаги и прошения, но эти бумаги дальше Гранта-сына не шли. И когда уже маньчжурская дивизия была в Даурии, куда и были отправлены арестованные, этот агент был расстрелян, а на все розыски родных и жены, им везде отвечали, что такой-то выпущен, и где он теперь, они, конечно, не могут знать.

Была одна экспедиция, это когда ездил Грант, но была и другая, и была она раньше первой, вскоре по приезде из Читы в Борзю, но в виду того, что это тайная экспедиция и к описываемым лицам она не относилась, мы будем о ней говорить только сейчас.

Эта экспедиция была такого рода. Приблизительно, 8 апреля 1920 г. командир 1-го маньчжурского А. С. полка, полковник Михайлов*) пригласил заранее выбранных офицеров и об'явил, что предстоит командировка, и что атаман просит (а не приказывает) это исполнить, и что японцы против ничего не имеют, и что если она будет удачна, то офицеры получают чины, а если же нет, то атаман за них не отвечает. Все, ко-

*) Убит в боях под Борзей в июне 1920 г.

нечно, поехали. Отряд, численностью 40 офицеров и человек 10 солдат, под командой полковника Михайлова, был погружен на ст. Борзя.

Читатель, не торопись: сейчас ты увидишь, какая это была экспедиция

На ст. Шарасун отряд выгрузился (а нужно сказать отряд был конный), и пошел походным порядком на ст. Мациевская. Отдохнув в Мациевской на бойне и сделав кое-какую разведку, но на территории Китая, отряд отбыл в станицу Абагайтуй. В Абагайтуе отряд пробыл дня 3 или 4, а оттуда пошел в сторону Китая.

А дело оказалось просто.

В Цагане есть какое-то, чуть ли не главное, управление, которое выдает жалованье китайским частям. И вот в одной из казарм стояло 2 шкафа, а в них деньги и золото в слитках даже.

Вот за этим-то золотом и шел отряд, посланный атаманом Семеновым.

Выехав из Абагайтуя, все чины отряда надели красные банты и через известное время были у цели. Ночью, когда китайские солдаты спали, спешившись, подошли они к казарме и окружили ее, после чего начали в окна бросать гранаты.

Спустя некоторое время, ворвались в самую казарму, приколов тех, кто еще был жив, взломали шкафы и начали нагребать золото, кто сколько мог унести. После чего, пустились в обратный путь, ограбив по дороге богатых бурят, которые пасли скот.

Золото, приблизительно, около двух пудов, было сдано атаману, и тут же был пущен слух, что красные грабят китайцев. Награждений за это чинами что-то не было заметно, надо пола-

гать, что атаман Семенов считал, наверное, эту командировку не удавшейся.

ГЛАВА III.

Даурия, а в ней барон.

Насколько читатель заметил, о бароне не было сказано ни слова, и если он попадался, то—так, вскользь, и как бы случайно. Вышло это вот почему. Барон фон-Унгерн-Штернберг жил совершенно отдельно, никуда не касался, но и к себе никого не пускал, и если я сейчас хочу о нем сказать несколько слов, то только потому, что придется встретиться с описываемым лицом на насиженном бароном месте. Что атаман и барон работали в контакте, хотя и писались приказы и об'явления, что барон отдельно, и за его действия атаман не отвечает,—это—да, и что атаман боялся барона, это тоже верно. В некоторых случаях барон, действительно, не подчинялся атаману, посылая его к черту, и в конце концов Семенов перестал себя показывать барону, как начальник. Барон—человек ненормальный, но ведь, говорят, что сумасшествие и гений в человеке вылезают всегда вместе. Пожалуй, это на бароне и заметно. Барон в дураках, однако, не остался—все свое добро и добро, принадлежащее дивизии, он заранее свез в Хайлар, а сам сейчас гуляет на свободе, да еще „приобретает“ кое-что, не то что Семенов, который отдав многомиллионное имущество армии на расхищение акулам, сам скрылся в Порт-Артуре.

А, ведь, слова атамана Семенова на офицерском обеде в Борзе были таковы:

— Братцы, как земля, по народным сказаниям, держится на трех китах, так и мы сейчас на трех дивизиях: конно-азиатской барона фон-Унгерна-Штернберга, маньчжурской и броневой*), и когда вам будет трудно, я буду среди вас, я буду с вами!

А где же ты был, когда армия, раздетая, обессилевшая, понуро шла в чужую землю—Китай? Армия, покидая свою родину, ждала от тебя, ждала от своих командиров ободряющего слова. А вы все делили золото, устраивали обеды, в то время, когда оборванные и раненые воины, защищавшие ваше благополучие, бросались на произвол судьбы и поругание противника под Мациевской.

А, ведь, район Даурия—Маньчжурия, имея в своем расположении более 15 тысяч войска, можно держать не один год, тем более, подвоз из Китая к вашим услугам. А сколько бросили богатства в Даурии и сожгли, вместо того, чтобы защищать. Воображаю, как рвет и мечет и проклинает Семенова барон, узнав, что его милую Даурию бросили. Зверства, какие творил барон, посильнее семеновских, но все-таки, когда барон уходил из Даурии, за ним пошли почти все, а он насильно никого не тянул; кто хочет, пусть идет, а кто хочет, ради Бога, оставайся. И за бароном пойдут, потому что барон никогда не бросит, барон умеет и знает, когда нужно поддержать.

Семенов без поддержки японцев пал, а барон гуляет так себе и—никаких! И не один год.

*) Выбрасывая совершенно каппелевцев.

может-быть, проживет барон, скитаясь со своим отрядом по монгольским степям и сопкам Забайкалья, и будьте покойны: у барона люди не будут голодны и раздеты, вы такими их не увидите.

Однако, кое-что о бароне нужно сказать, чтобы было видно, какой это все-таки был зверь. Как расстреливал и порол барон большевиков, очень многие, конечно, слышали, да нет ничего удивительного, когда он своих даже не щадил за малейшую провинность, а иногда даже ни за что. Вот о последних стоит сказать.

Нужно заметить, что у барона пороли не нагайками как у Семенова, а лопаточками, имеющими вид миниатюрных весел.

Так, один офицер был бароном запорот за растрату 14 тысяч рублей сибирских, который умер после трехсот ударов *).

А вот здесь вы увидите, как бессильно было „начальство" против барона.

Однажды мимо Даурии проходил эшелон, нагруженный авиационным парком. Начальник эшелона командир этого парка, поручик N, ехал с семьею, а потому имел отдельную теплушку, где и находился он, его жена и другие домочадцы. Согласно предписанию, поручик должен был доехать до Маньчжури, где выгрузиться и разбить парк около Маньчжурии. При остановке на ст. Даурия, комендант названной станции, пришел к начальнику эшелона и спросил; кто едет, зачем и почему, как это и делалось всегда у барона. Поручик все ему рассказал, показал документы,

*) Фамилия его, кажется, Попов, в чине шт.-капитана, хотя хорошо не помню.

после чего комендант, удовлетворившись, ушел. Но через некоторое время пришел от барона офицер и передал от барона же приказание выгрузиться в Даурии. Командир парка сказал, что он этого не сделает, т. к. у него есть приказание от своего начальства ехать дальше, и не исполнить его он, как военнослужащий, не имеет права, а что барон ему в данное время просто только старший. Бароновский офицер ушел, но через некоторое время начальник эшелона был арестован, а парк выгружен. Поручик этот через сутки, или 2, был расстрелян, несмотря на все просьбы жены, но т. к. она черезчур приставала, то барон приказал начальнику штаба полковнику Евтину выдать ей 100 рублей золотом, и чтобы она немедленно же выехала из Даурии, а то, в противном случае, он ее выпорет, что, конечно, бедная вдова благоразумно и сделала, т.-е. уехала. Потом, когда она добилась аудиенции у атамана и все ему рассказала, то тот только развел руками и сказал, что ничего не может сделать и прибавил шопотом, чтобы она ушла. Барон сидел в кабинете атамана. Семенов принял даму у дверей кабинета.

ГЛАВА IV.

Чита в Даурии.

Приблизительно в конце июля 1920 г., после ожесточенных боев, недалеко от Борзи, под Усть-Озерной и друг., между большевиками и Семеновым было заключено перемирие, которое, соб-

ственно, устроили японцы. В это-то перемирие, все, что было в Борзи, и двинулось в Даурию Решили армию разместить таким образом: 1-й корпус, который принял генерал-лейтенант Мациевский,— на ст. Даурия и Мациевская, и были заняты, конечно, по возможности и др. мелкие станции в этом же районе; на ст. Оловянная разместился 2-й корпус, под командой генерала Смолина, и 3-й корпус на ст. Борзя, под командой генерала Молчанова.

В Чите остались кое-какие части и японцы, и всем этим заворачивал генерал Сыробоярский, который был и военный, и морской, и еще какой-то министр, вообще „шибко высокое начальство". И часто офицеры и солдаты в недоумении спрашивали:

— А каким же морем он ведает?

— Гм... Да, ведь, надо полагать Кенонским.

— А где же это?

— А это недалеко от Читы, кажется, первый раз'езд на запад от Читы 1-ой, где и слезают, если кто едет к морю.

— Ах, вот какая штука.

Штабс-капитан гвардии Сыробоярский трепался все время при дворе императора, а теперь сразу генерал да и еще министр,—ну, что он знает, что он может сделать? Вот смотрите—результат говорит сам за себя.

В это же, собственно, время начался от'езд японцев, и их эшелоны шли один за другим.

Барон, отправив все ценное, как я уже говорил, в Хайлар, сам со своей дивизией куда-то двинулся. Никто ничего не знал. Кто говорил, что барон идет брать Верхнеудинск, кто еще что-

нибудь. Было непонятно. В общем казармы Даурии были бароном освобождены, и там поселилась маньчжурская дивизия, а немного позднее и еще кое-какие части первого корпуса. Из Читы двинулось все под крылышко маньчжурской дивизии. Господи, чего только тут нет! Министр просвещения—дать квартиру! Управляющий областью (это вроде губернатора, а то, может-быть, и генерал-губернатора, т.-е. клички у них одна другой страшней и важней!)... Солдаты и офицеры сначала как будто тянулись, а потом, как-то махнули рукой на этих дядей, которые, собственно, едят только хлеб государства Российского, а пользы от них ни на грош. И верно,—разве можно любого из этих господ сравнить—ну, хотя бы с солдатом, который родине отдает все, отдает самое дорогое—свою жизнь?! А что отдают эти министры? Ведь, они только вносят путаницу в общую работу, да разве только угнетают людей себе подвластных—вот их работа. Если вы будете вспоминать и спрашивать себя про министров (а их было очень много в Уфе, Омске, Иркутске, Чите и других городах Российской империи, где они тоже заседали), что же, собственно, хотя бы один из них сделал, что он выдумал такое умное, чтобы его министерство, действительно, вылезло из тупика? И ответ все время будет: нет, нет и нет. И ничего они не сделали, кроме разве, что воровали то, чем заведывали. И вечно министерства, во главе которых были эти дяди, стояли в тупике.

Атаман тоже находился в Даурии и жил в своем вагоне. Комендантом поселка и военного городка, как сказано, был подполковник Грант,

который и начал обделывать свои делишки. Прежде всего он добивается введения на ст. Даурия контрольного пункта, но так, чтобы он был в его ведении.

Тут и началось.

Ссаживали, отбирали, искали, в общем, наживались. Все отобранное неслось к Гранту, который делился разве только с поручиком Денисовым, оставляя львиную долю, конечно, себе. Особенное внимание было обращено на спирт, которым подполковник Грант изволил, после того как отберут, торговать, беря по 5 рублей за бутылку.

Нужно сказать, что части начали перебираться в первых числах августа прошлого года, и к концу августа все уже переехало в Даурию. Вся Чита буквально находилась здесь, и в Даурии первый раз за август месяц жалованье было выдано золотом. Золото находилось на бронепоезде „Семеновец" под охраной читинского военного училища которое и прибыло в Даурию, во главе с Тирбахом. Тирбах же был и начальником даурского гарнизона. Генерал Будаков, после того, как контр-разведки, для видимости, были упразднены, был начальником линейной стражи, и, собственно, так же продолжал свою работу под другим названием. Но Будаков принял, безусловно, деятельное участие в осмотре поездов, и подполковнику Грант пришлось с ним делиться на равных. В общем было непонятно, кто с кем делится. Жучки-то оба хорошие. Оба работали. Грант, несмотря на то, что имел возможность красть из отпускаемых на гарнизон денег, однако, здесь вот пишет в газете, что никогда не имел ка-

зенных денег, но поверить, конечно, может только самый наивный человек, да Грант, вообще, не может без вранья обойтись. Он совершенно забыл, что харбинцы великолепно знают его дела с паспортами, когда он был здесь приставом. Крал он, конечно,—и сколько он ни пиши, все равно ему никто не поверит. Может-быть, Грант откажется, что, будучи комендантом в г. Даурия, имел 1500—2000 рублей золотом и что представлял отчет расписками, самим же им написанными. 118 рублей, которые он свалил на делопроизводителя Гольдина (которого хотели расстрелять только за то, что он похож на жида), заявив, что их увез Гольдин, который во-время убежал из Даурии. А доход, который давали Гранту обыски на поездах?! Так нет—он не мог обойтись без кровопролития.

Пассажирские поезда в сторону Маньчжурии проходили ночью, а в сторону Читы днем. Вот как-то ночью привели в комендантское управление Гросса, едущего из Верхнеудинска в Харбин. Начали допрашивать. И когда увидели книжку Русско-Азиатского банка, что по ней значится 95 тысяч рублей,—Гроссу пришлось плохо, прежде всего его в комендантском избили, как следует, да на другой день просто-напросто расстреляли. Думали что-нибудь из этих денег выкроить. Ну а, сейчас! Деньги, отобранные у Гросса, часы и много других вещей взял Грант, а отобрали 600 рубл. романовских. Низкий человечишко, он не расстался с такой даже суммой (что-то около иены не больше).

Через неделю из Маньчжурии от какого-то уполномоченного Австрийского Красного Креста,

или что-то вроде этого, пришел запрос о том, куда девался Гросс. Ему ответили, что, верно, был такой арестован, нс, по выяснении, выпущен и указаны числа, по которым можно судить что Гросс сидел, во всяком случае, не больше суток. И после, когда начгаром был Артамонов, приходила бумага с запросом о Гроссе, и сам генерал Артамонов спрашивал несколько раз: куда девался такой-то арестованный. На это, конечно, всегда уверенно отвечали, что он выпущен.

Отец Гранта, контр-разведчик, был в это время на ст. Мациевская, как бы начальником контрольного пункта. И вот, когда он ехал в Даурию, то в вагоне познакомился с одним господином*), который ехал из Харбина. Уже познакомившись, они играли в карты, и Грант-папаша увидел у него в чемоданчике, якобы, много золота. В Даурии, по показанию Гранта-папаши, его арестовывают и уводят на гауптвахту. И за работу принимается уже Грант-сын**). В этот вечер написана записка об освобождении, а его расстреливают. Расстреливать ходили Богословский, Денисов и солдаты комендантской роты. Как ни просил он отпустить его, отдав все ему, и давал слово, что никогда никому об этом не скажет, Богословский все-таки сделал в него из „Нагана" выстрел и ранил, тогда Денисов, чтобы не делать шума, приказал рубить его шашками, а солдаты кололи штыками. Отобрано было всего двести рублей золотом и золотые часы, а может быть и больше.

Не все коту масленица, пришли и для Гран-

---

*) Фамилии его не помню.

**) Анатолий Александрович.

та такие дни, что он не особенно мог развернуться. Дело в том, что приехал в Даурию, якобы от атамана, начальник броневой дивизии генерал Богомолец за тем, чтобы отобрать у Тирбаха золотой запас. Богомолец, по приезде, сразу обратился к начдив маньчжурской, генералу Кислицыну, и они решили арестовать Тирбаха, для чего почти повели наступление, вызвав несколько рот и всех офицеров 2 маньчжурского полка и часть бурятского гусарского дивизиона. Тирбах был арестован, золото отобрано. Сидеть, конечно, Тирбах нигде не сидел*), но принужден был из Даурии уехать, и гарнизон принял начальник I-ой казачьей дивизии генерал Артамонов, и Гранту особенно он не давал расходиться, но Грант и здесь сумел почти влезть в доверие и мошенничал во всю, если бы один случай не подвел Гранта почти под расстрел, хотя Грант и выпутался, заставив отвечать других.

А случай этот вот какой:

В одно из воскресений, в начале октября кажется, в поселке Даурия был арестован пьяный подхорунжий личного конвоя атамана Веретенников. Прапорщик Богословский считался, как бы комендантом этого поселка**), а потому при аресте пьяного и буйствующего Веретенникова Богословскому приказано было допросить и, вообще, разобраться с этим делом. При допросе Веретенников держал себя с Богословским вызывающе, и когда Богословский указал ему, он стал еще хуже, так что Богословский раз даже ударил его. После этого Веретенников прямо таки засыпал

*) На гауптвахте

**) Не военного городка, а поселка, населеннаго частными лицами

Богословского оскорблениями, кичась, что он из конвоя атамана. Богословский сдержал себя, но вечером, когда Веретенников сидел уже на гауптвахте, пришел туда и выпорол Веретенникова шомполом. На другой день узнали как-то об этом в ставке.

Заведывающим даурской гауптвахтой был поручик Смычников. Артамонову в ставке, как начальнику гарнизона, здорово, видимо, влетело от атамана, потому что Артамонов, с войсковым старшиной Зиминым и еще несколько офицеров из ставки, почти прибежали в комендантское управление, все возбужденные, и Артамонов потребовал к себе Гранта, Смычникова и Богословского. Все трое тут же явились.

— На каком основании вы пороли его?—почти задыхаясь от злобы, кричал Артамонов.—Кто дал вам право пороть*)?.. А?.. Расстрелять их! Сейчас же расстрелять! Под арест! Всех троих!

Все молчали, только офицеры ставки ругались и держали в руках „Наганы“.

Артамонов, обращаясь к Гранту, продолжал:

— Сдать дела! Сейчас же! Денисов, примите от него все.

Вот тут-то и заварилась каша.

Грант попросил его не водить на гауптвахту, чтобы он мог передать бумаги и вообще все дела, которые у него находились.

— Да, да. Сейчас же! сейчас же все сдавайте!—сказал Артамонов.

Смычникова и Богословского увели, Грант пока остался. Но Грант, известно, как человек жуликоватый и хитрый, занялся не сдачей, а сей-

*) Шли нецензурные слова.

час же были посланы люди и даже его жена в ставку улаживать дело. Принялся устраивать это дело, главным образом, подполковник Понтович. И вечером (а все это происходило часа в два—три дня) Гранту разрешили быть дома, и пока даже он остался комендантом.

За Смычниковым, при допросе арестованных, оказалось, что он порол их каждодневно, но милое „начальство“ отказалось, говоря, что оно не знало об этом, но, ведь, всем ясно, что подпоручик Смычников, так очень милый человек, делал это уж во всяком случае с ведома Гранта, как коменданта Даурии, и, наоборот, „начальство“ даже приказывало ему с арестованными „не стесняться“.

А когда Богословский пошел на гауптвахту пороть, то некоторые уверяют, что Грант даже приказал ему итти и сделать это. В общем, Смычников и Богословский были отданы под суд, а Грант пока остался на своем месте, но не надолго. Скоро генерал Артамонов прислал офицера I-го маньчжурского атамана Семенова полка, капитана Лобанова, которому и приказано было принять комендантство, а подполковника Гранта отправили в распоряжение генерала Мациевского, но Грант сам разсказывал, что будто бы устроился в ставке комендантом поезда главно командующего, но насколько это верно, утверждать не берусь. Едва ли. Известно только одно, что вот он, при эвакуации в Приморье, назначен начальником эшелона технических мастерских.

Через две недели над Богословским и Смычниковым состоялся суд, под председательством

командира I-го маньчжурского атамана Семенова полка, полковника Малакен.

Суд приговорил Смычникова к лишению всех чинов и орденов, а Богословского—к трехмесячному заключению на гауптвахте.

А Грант и на сей раз вывернулся. Да и многим лицам было не выгодно, потому что Грант многих бы потащил за собой за старые дела: кого за убийство, кого за воровство и грабеж. С ним бы вместе предстали на суд: Апполонов, Титов, Пакулов и др. им подобные. И лица эти при этой каше не на шутку перетрусили, так что хотели даже бежать, но, как видите, Грант удержался, и они пока что вздохнули свободно, продолжая свою черную работу.

В одном только не был виноват Грант, это в том, в каком виде была гауптвахта. Дело-то в том, что гауптвахта досталась как бы по наследству от барона. Никаких приказаний о ее переделках Грант не получал, и начальство великолепно знало, в каком виде „губа“, т. к. на ней несколько раз был даже сам атаман, а потому обвинять Гранта, почему там были замуравлены в карцерах окна, нет хороших нар и т. д., по меньшей мере, глупо. Ну да „начальство“ всегда так себя вело. Они хотели оправдаться перед солдатами, но солдаты-то лучше знают, кто виноват.

На другой день, по выпуске с гауптвахты, подхорунжий Веретенников был произведен в прапорщики.

ГЛАВА V.

РАСПАД.

Ну вот, почти и все. Все кончилось. Чита сдана. Войска бегут. И нет ни одного человека, который бы мог остановить это бегство. „Начальство“ еще раз показало, что оно ни черта не стоит. „Начальство“ это уж бесцеремонно хватало ящики с золотом, и ехало, кто на лошадях, кто на автомобилях, сначала в Маньчжурию, а потом сюда, в Харбин. А армия? Армия со спокойной, видимо, совестью брошена, как и брошено было все. Броневики взорваны. Запасы интендантские достались противнику. В то время, когда армия нуждалась,—ничего не выдавали, все говорили, что нет, а при отступлении, когда уж некуда было девать, нашли громадные запасы сукна, теплой одежды, овса и проч. Все это лежало в пломбированных вагонах и предназначено, видимо, было к „загонке“. Тут, можно было уж брать, т. к. вагоны солдаты разбивали, больше из любопытства, что в них лежит, но брать было некуда и некогда, т. к. нужно было спасать свою жизнь. И спасали, удирая 60-70 верст в сутки. Прибыли в Маньчжурию. Тут-то и началась настоящая торговля! Да, что же поделаешь? Такой уж торговый поселок—эта Маньчжурия. Тут бы рад,—да ничего не поделаешь! Продавалось все, что только можно. Пока еще китайцы соображали, как быть им с оружием и проч., оружием торговали и тайно и явно, но когда китайцы решительно стали отбирать не только оружие, но и все, что случайно оказывалось в ваших карманах, как-то: часы, кошелек,—это тоже отбиралось. В

особенности страдальцами были дамы: под'езжали к Маньчжурии на лошадях или автомобиле, или просто пешком; около поселка, обыкновенно, встречали китайские солдаты, которые и упражнялись в ловкости рук.

Продавали, как я уже говорил, все и торговали все: и генералы и солдаты. Разница только в том, что солдат продавал последнюю с себя рубашку, а генерал—этот же товар—целыми вагонами.

Полковник Грант и здесь, конечно, запускал, где можно, руки, но т. к. у него вседа это выходило с кровопусканием, то не обошлось без него и в Маньчжурии. На сей раз работал он с личным ад'ютантом атамана, подполковником Торчиновым, но Грант прогадал и сам сознавался, что ему ни черта не пришлось, т. к. Торчинов, взяв деньги, не поделился с полковник. Грантом.

Поздно вечером на автомобиле Грант и Торчинов под'ехали к одной из гостиниц пос. Маньчжурии, вызвали одного господина, посадили к себе на автомобиль и уехали. На долю Гранта пришлось душить этого господина, а т. к. господин этот был чуть не вдвое здоровее Гранта, то последнему пришлось долго возиться с ним. „Ой трудно было“, сознавался впоследствии Грант. Труп был брошен на сопке, недалеко от поселка Маньчжурия. Ключ от номера в гостинице взял Торчинов и, по окончании дела, заехал в гостиницу, взял из номера задушенного господина восемнадцать тысяч иен, все вещи и уехал. Полковнику Грант досталось только пальто с убитого господина, в котором он ходит, или, вернее, ходил

по Харбину, но многим харбинцам пальто это известно, т. к. многие задушенного господина здесь знали.

Убитый господин—это был полковник Мартенсен.

К О Н Е Ц.

Содержание.

Замеченные опечатки.

Стр.	Строка с верху.	Напечатано.	Следует читать.
7	7	в 2 батареях „Г. И. Арисака“	во 2 ой батареи „Арисаки“
13	28	даже	дошли
25	29	Комаржевского	Конаржевского
45	10	Командир комендантской роты Александр Карлович Грант-отец	Командир комендантской роты Анатолий Александрович Грант-сын
45	14	прапорщик Пакуля	прапорщик Пакулов
58	33	Шашкина	Шишкина

Цена 50 сен.

Печать „Союза рабочих печатного дела г. Харбина".

